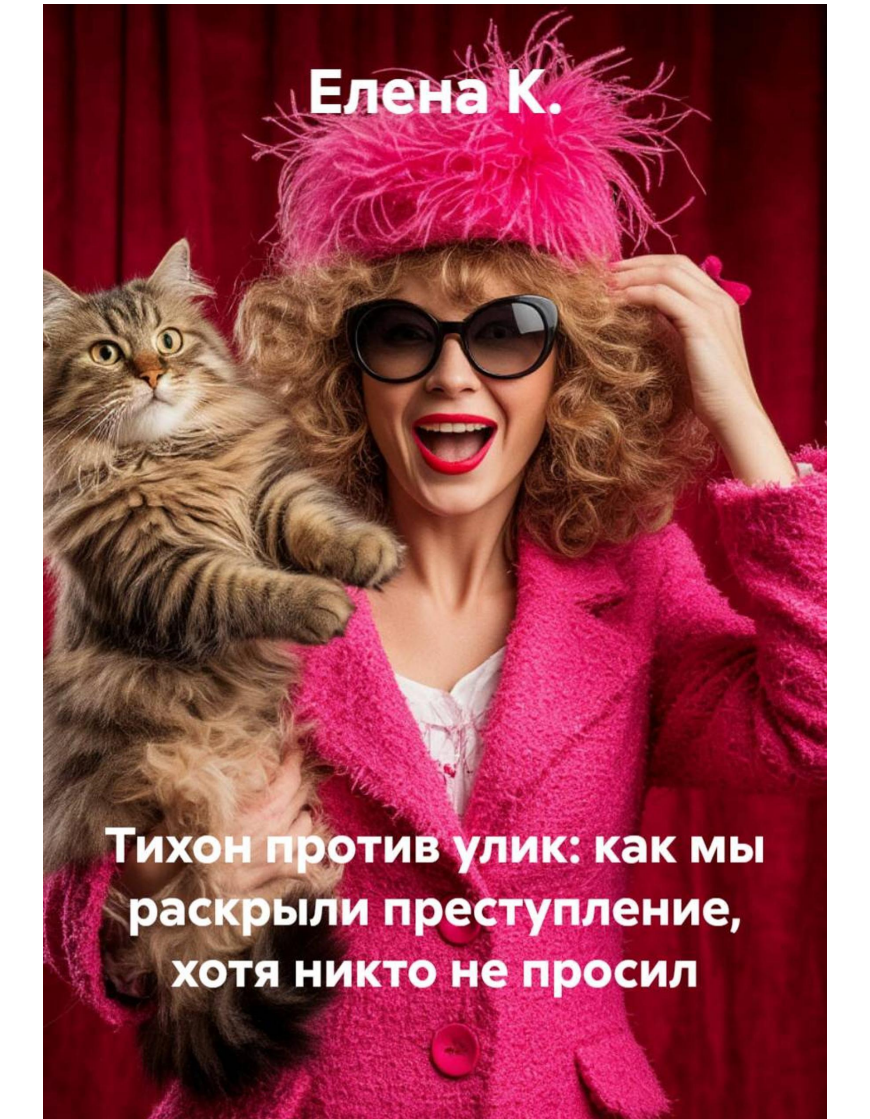

Елена К.

**Тихон против улик: как мы
раскрыли преступление,
хотя никто не просил**

Елена К.

Тихон против улик: как мы раскрыли преступление, хотя никто не просил

*<https://litres.ru/74222918>
SelfPub; 2026*

Аннотация

«Свет гаснет, но история остаётся»: закулисная драма, где каждый — герой.

Театр на грани краха: четыре убийства, шантаж, тайны, которые разъедают изнутри.

Это ироничный детектив с душой: тут и напряжённое расследование, и искромётный юмор, и тепло человеческих (и кошачьих!) отношений. Коктейль «Проклятие гримёрки» обжигает не только вкусом — он пробуждает воспоминания. А фраза «Свет гаснет, но история остаётся» становится девизом тех, кто не дал театру исчезнуть.

Здесь главное не «кто убил», а «кто остался рядом, когда стало страшно». Это признание в любви тем, кто каждый день творит маленькое чудо: от актрисы до кассирши, от контролёра до котаталисмана.

Откройте книгу — и услышите скрип кулис, шёпот фойе и тихий голос, который уверенно говорит: «Мы справимся». Для тех, кто верит: даже в самой тёмной гримёрке можно найти свет — если рядом есть свои.

Содержание

Глава о совпадениях.	5
1.Глава.Елена Михайловна приходит в театр на спектакль. Тихон категорически отказывается заходить, но в последний момент прыгает в дверь и сбивает с вешалки пальто. Под пальто — чужой билет с пометкой «Гримерка 3».	7
2.Глава.Валера из кафе рассказывает: «Вчера сюда заходил странный тип, спрашивал, когда Регина Львовна уходит».	41
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена К.

Тихон против улик: как мы раскрыли преступление, хотя никто не просил

Глава о совпадениях.

На полях сценария, в уголке афиши, на обороте программки и даже (по слухам) на подкладке бархатного жилета Тихона аккуратным почерком Зинаиды Павловны было выведено:

«Все совпадения с реальными людьми, котами, театрами, коктейлями, пуговицами, тёмными коридорами, внезапными озарениями и даже с тем самым скрипением петель — исключительно случайны. Ну, почти. Ладно, совсем нет. Но пусть будет так: мы торжественно заявляем, что ничего не подглядывали, не подслушивали и ни у кого не списывали. Ни у кого. Честно-честно.

Хотя... если вдруг какой-нибудь кассирша вдруг обнаружит, что улыбается точно так же, как Тамара, или какой-нибудь кот начнёт проверять замки с видом мирового судьи — мы ни при чём. Это просто театр так действует: он берёт

обычную жизнь, встряхивает её, добавляет щепотку драмы, вишенку для вкуса, бархата для солидности — и выдаёт обратно в виде искусства.

И да, если Борис Петрович где-то там, наверху, тихо хмыкнул и сказал: «Ну наконец-то хоть кто-то понял про петли» — мы тоже не виноваты. Просто правда сама просится на сцену.

А Тихон? Тихон вообще ни при чём. Он просто кот. С очень ответственным взглядом и отличным жилетом. И если вы встретите в жизни кого-то, кто смотрит так же строго и мурлычет так же убедительно — знайте: это не прототип. Это просто Вселенная решила, что миру нужно чуть больше порядка и чуть больше уюта.

Так что: все совпадения случайны. Но если не случайны — пусть будут. Потому что такие истории стоит рассказывать».

Тихон, услышав (или унюхав) это «все совпадения случайны», дёрнул ухом, прыгнул с подоконника, обошёл комнату по кругу, боднул ножку стула и мяукнул: «Ага. Случайность. Как же. Я тут главный контролёр. И я точно знаю, где тут правда, а где — художественный приём. Но ладно. Пусть будет случайность. Лишь бы жилет не забрали». ##

**1.Глава.Елена Михайловна
приходит в театр на спектакль.
Тихон категорически отказывается
заходить, но в последний
момент прыгает в дверь и
сбивает с вешалки пальто.
Под пальто — чужой билет
с пометкой «Гримерка 3».**

Елена Михайловна подошла к театру ровно за десять минут до начала. Она любила приходить вовремя: считала, что пунктуальность — это уважение к искусству, а заодно и способ избежать толкучки в гардеробе. Тихон, напротив, считал, что вход в театр — это ловушка, придуманная специально для котов.

— Ну давай, Тихоша, не капризничай, — уговаривала Елена Михайловна, придерживая дверь. — Ты же не хочешь остаться тут один?

Тихон замер на пороге, растопырил лапы, будто собирался затормозить всеми четырьмя, и издал звук, похожий на

сдавленное «мр-р-р-к», означавший твёрдое «нет».

— Я тебя понимаю, — вздохнула Елена Михайловна. — Но мы обещали Инне, что придём на премьеру. Она так старалась...

И тут Тихон, будто решив, что лучшая защита — это нападение, рванул вперёд, проскочил под рукой Елены Михайловны и с размаху врезался в вешалку. Пальто посыпались, как домино, а Тихон вылетел из кучи ткани, встряхнулся и сел с видом «я тут ни при чём, это оно само».

Елена Михайловна принялась собирать пальто, бормоча себе под нос что-то про «кошачью грацию» и «заслуженную пенсию». И вот под одним из пальто, самым тёмным и явно чужим, она заметила что-то бежевое, торчащее из-под подола. Наклонилась, вытащила — билет. Обычный театральный билет, но на нём чьей-то рукой было крупно выведено: «Гримерка 3».

Елена Михайловна нахмурилась. Билет был на сегодняшний спектакль, но место не в зале, а служебное. И пометка странная.

— Тихон, — строго сказала она, глядя на кота, который с невинным видом вылизывал лапу. — Ты это нарочно устроил?

Тихон поднял глаза, моргнул и потянулся к билету, будто хотел его съесть.

— Даже не думай, — Елена Михайловна спрятала билет в сумку. — Это улика.

В этот момент из фойе выглянула администраторша, окинула взглядом гору пальто, Тихона и Елену Михайловну, вздохнула так, будто видела эту картину уже в десятый раз за сезон, и сказала:

— Опять кот? Ну хоть не в оркестровую яму. Проходите уже, третий звонок сейчас будет.

Елена Михайловна подхватила Тихона (он протестующе мяукнул, но без особой страсти), кивнула администраторше и направилась к залу. А билет в сумке тихо шелестел, будто шептал: «Это только начало».

Спектакль шёл своим чередом, и Елена Михайловна честно пыталась сосредоточиться на сцене. Но Тихон, устроившийся у неё на коленях, явно считал, что театр — это интерактивное шоу, где зритель обязан участвовать. Каждые пять минут он тянул лапу к программке, будто хотел поставить свою рецензию, а потом вздыхал так тяжело, словно лично отвечал за драматургию.

На сцене Инга играла сцену признания с таким надрывом, что даже люстры слегка подрагивали. Но Елена Михайловна, привыкшая замечать мелочи, видела другое: между репликами Инга нервно теребила браслет, её взгляд то и дело убегал в сторону кулис, а пальцы подрагивали, будто она держала в руках не веер, а бомбу с тикающим механизмом.

А Марк, игравший её возлюбленного, наоборот, казался подозрительно бодрым. Его трагические монологи звучали как тосты на корпоративе — слишком звонко, слишком

энергично, будто он боялся, что если хоть на секунду сбавит темп, то рухнет вся декорация. И после каждой реплики он бросал короткий взгляд куда-то в третий ряд, будто проверял, сидит ли там кто-то конкретный.

— Что-то тут не так, — пробормотала Елена Михайловна себе под нос.

— Мр-р, — согласился Тихон и боднул программку так, что она спланировала на пол, как подбитый самолёт.

В антракте зал взорвался шёпотом, шуршанием конфет и торопливыми шагами. Елена Михайловна встала, потянулась и тут же увидела Ингу: та выскользнула из-за кулис, будто хотела сбежать, но вместо этого замерла у колонны, прислушиваясь к разговору двух костюмерш. Лицо у неё было такое, будто она одновременно хотела услышать каждое слово и не хотела слышать ничего вообще.

Марк тем временем оказался в фойе и уже вовсю смеялся над какой-то шуткой администратора, да так громко, что даже люди в буфете невольно оборачивались.

— Слишком громко шутит, — снова подумала Елена Михайловна. — Когда человек так старается казаться спокойным, обычно он либо что-то скрывает, либо только что уронил в оркестровую яму что-то очень дорогое.

Тихон, воспользовавшись моментом, нырнул под соседнее кресло и через секунду вылез оттуда с обрывком ткани в зубах — явно фрагмент театрального костюма.

— Тихон, ну что ты делаешь? — шикнула Елена Михай-

ловна, пытаюсь незаметно забрать находку. — Это не игрушка, это улика... или хотя бы реквизит.

Кот посмотрел на неё с выражением «я спасаю искусство» и аккуратно положил обрывок рядом с её туфлей, будто сдавал отчёт.

Тут к Елене Михайловне подошла Зинаида Павловна, костюмерша, и, понизив голос до шёпота, который, впрочем, слышали все в радиусе трёх метров, сказала:

— Инга сегодня три раза меняла костюм. Без причины. А Марк перед спектаклем спрашивал, не видела ли я, как кто-то крутился у гримерки Регины Львовны.

Елена Михайловна нахмурилась:

— И что вы думаете?

Зинаида Павловна пожала плечами:

— Думаю, что если в театре что-то происходит, то лучше знать заранее. А то потом будешь объяснять полиции, почему на платье пятно, а ты «ничего не видела».

Тихон в этот момент громко чихнул и уронил на пол программку, на полях которой чьей-то рукой было выведено: «Не верь улыбке Марка».

Елена Михайловна замерла, глядя на надпись. Тихон сел рядом, будто ждал похвалы за оперативную доставку улики.

«Ну вот, — мысленно вздохнула Елена Михайловна. — Спокойного вечера не будет».

Шум за кулисами стоял такой, будто там репетировали бурю без оркестра: хлопали двери, кто-то кричал «Где мой па-

рик?!», а из дальнего коридора доносилось звонкое «Это не я, это декорация сама упала!».

Елена Михайловна как раз пыталась убедить Тихона, что сидеть на бархатной портъере — это не вклад в искусство, а вандализм, когда из глубины коридора раздался вопль, от которого даже старые люстры в фойе вздрогнули.

— В гримерке Регины Львовны всё вверх дном! Всё перевернуто! — кричала Зинаида Павловна, размахивая вешалкой, словно знаменем. Её лицо пылало, а глаза были такими круглыми, будто она только что увидела призрак бывшего главного режиссёра — и он ей не понравился.

Толпа за кулисами мгновенно замерла, как в стоп-кадре: Марк застыл с наполовину снятым париком, Инга вцепилась в край ширмы, а студент-практикант Гриша уронил сразу три реквизитных чашки — и даже не стал их поднимать, потому что в театре в такие моменты чашки уже не главное.

Елена Михайловна вздохнула, поправила шарф и решительно двинулась к гримерке. Тихон, почувствовав приближение настоящего приключения, тут же забыл про портъеру и рванул вперёд, едва не сбив с ног осветителя Костю.

— Тихон, тормози! — крикнула Елена Михайловна, но кот уже исчез в проёме двери.

В гримерке царил такой хаос, будто кто-то пытался спрятать преступление под видом генеральной уборки. Пуфы валялись вверх ногами, ящики комода были выдвинуты и пусты, на полу рассыпались пудреницы, а на зеркале чьей-то

рукой (и явно в спешке) было выведено губной помадой: «Прости».

Регина Львовна стояла посреди этого разгрома, прямая, как штык, и смотрела на всё так, будто если она не моргнёт, то кошмар исчезнет. Но не исчезал.

— Кто посмел?! — прошипела она, не поворачивая головы. — Это не просто беспорядок. Это... оскорбление искусства!

Зинаида Павловна, наконец-то добравшись до Регины Львовны, выдохнула и выдала:

— Я дверь открывала — она и так была чуть приоткрыта. А потом гляжу — а тут... это.

Тихон тем временем деловито обошёл комнату, пару раз ткнулся носом в угол, потом подцепил когтем что-то блестящее под шкафом и вытащил. Это оказался маленький золотой ключик — на вид старинный, явно не от театрального шкафа с реквизитом. Он покрутил его в зубах, будто оценивал, съедобен ли, а потом аккуратно положил у ноги Елены Михайловны.

— Ну вот, — пробормотала Елена Михайловна, наклоняясь за ключом и стараясь не смотреть на гору рассыпанной косметики, — опять ты в эпицентре.

— Это улика?! — взволнованно прошептала Зинаида Павловна. — Или просто реквизит?

— Пока не знаю, — честно призналась Елена Михайловна. — Но Тихон никогда ничего не подбирает просто так.

Обычно он роняет. А тут принёс.

Тут в дверь заглянул капитан Олег Дмитриевич — будто материализовался из самого театрального тумана. Спокойно оглядел разгром, потом перевёл взгляд на Тихона, который теперь сидел с видом «я тут работал», и едва заметно приподнял бровь.

— Мне сказали, тут крик про кражу. А я вижу... театральную катастрофу.

— Катастрофа — это когда Марк забывает текст в третьем акте, — мрачно поправила Регина Львовна. — А это... это покушение на репутацию театра!

Елена Михайловна незаметно сжала в ладони ключик и тихо сказала капитану:

— Тут не просто беспорядок. Тут кто-то что-то искал. И, кажется, нашёл.

Тихон в подтверждение этих слов громко чихнул, прыгнул на ближайший пуф — и с него, как по команде, слетела бархатная накидка, под которой обнаружился смятый конверт. На нём не было адреса, только одна строчка, выведенная дрожащей рукой: «Не говори никому».

В коридоре снова хлопнула дверь, и кто-то очень тихо, но очень поспешно ушёл.

Капитан Олег Дмитриевич достал блокнот, вздохнул так, будто уже знал, что этот вечер не закончится чашкой чая и сериалом, и кивнул Елене Михайловне:

— Рассказывайте. Только без эмоций. Ну, насколько это

вообще возможно в театре.

Елена Михайловна кивнула, стараясь выглядеть собранной, хотя внутри у неё всё ещё гулко стучало от этой внезапной гонки из фойе в гримерку. Тихон тем временем устроился на самом чистом (то есть единственном не заваленном вещами) пуфе, сел, как почётный следователь, и принялся вылизывать лапу — будто подчёркивал: «Я тут не ради паники, я тут ради дела».

Регина Львовна стояла у зеркала — теперь уже не прямая, как штык, а просто очень напряжённая, будто боялась, что если расслабится хоть на секунду, то рухнет весь театр.

— Драгоценности, — выдохнула она, и голос её впервые дрогнул. — Те самые, для выставки «Театральные легенды». Их передали нам на временное хранение. Это не просто украшения, это история!

— И что именно пропало? — спокойно уточнил капитан, водя взглядом по комнате, словно считывал следы, невидимые остальным.

— Брошь «Аметистовый рассвет», серьги с чёрным жемчугом и кольцо с топазами, — перечислила Регина Львовна, будто читала трагический монолог. — Все вещи — конца XIX века. Имеют музейную ценность. Их нельзя просто... потерять.

Зинаида Павловна, которая всё это время стояла у двери, нервно теребя вешалку, вдруг встрепенулась:

— А ещё футляр был! Такой бархатный, старый, с золо-

тым тиснением. Его тоже нет.

— Футляр — это уже конкретика, — пробормотал Олег Дмитриевич и сделал пометку. — Значит, не просто «всё перевернули», а целенаправленно забрали.

Елена Михайловна присела на корточки рядом с пуфом, где сидел Тихон, и тихо спросила:

— А кто знал, что они здесь?

Регина Львовна поджала губы:

— Только узкий круг. Я, завхоз Борис Петрович, хранитель из музея, который их привёз, и... ну, Зинаида Павловна. Она помогала раскладывать.

— И ещё Марк, — вдруг буркнула Зинаида Павловна и тут же прикрыла рот ладонью, будто хотела забрать слова обратно.

— Марк?! — Регина Львовна резко повернулась к ней. — Он не должен был знать!

— Он зашёл, когда мы раскладывали, — виновато пояснила Зинаида Павловна. — Я сказала: «Не трогай, это для выставки», а он пошутил: «О, теперь у нас тут филиал музея». Но он точно слышал.

Елена Михайловна переглянулась с капитаном. Тот едва заметно кивнул: круг подозреваемых только что перестал быть «узким».

Тихон, будто почувствовав важность момента, спрыгнул с пуфа, обошёл комнату по периметру, потом замер у шкафа, поднял лапу и ткнул когтем в щель между полом и плинтусом.

сом. Там что-то поблёскивало.

— Опять ты что-то нашёл, — вздохнула Елена Михайловна, но наклонилась и вытащила тонкую серебряную цепочку. На ней болтался крошечный медальон с вычурной гравировкой.

— Это не из комплекта, — сразу сказала Регина Львовна, взглядываясь. — Это вообще не с выставки. У нас таких не было.

— Зато это чья-то личная вещь, — тихо сказал Олег Дмитриевич. — И она здесь не просто так. Кто-то её уронил. Или специально оставил.

Елена Михайловна повертела медальон в пальцах. На обратной стороне была выбита дата: 1987. И крошечная буква «М».

— «М»... Марк? — прошептала Зинаида Павловна, округлив глаза.

— Или Марина, или Михаил, или Маргарита, — спокойно возразила Елена Михайловна. — Не будем делать поспешных выводов.

Но в коридоре снова что-то грохнуло, и все невольно вздрогнули.

— В этом театре слишком много шума для одного вечера, — пробормотал капитан.

Тут Тихон, будто решив, что пора брать инициативу в свои лапы, прыгнул на шкаф, зацепился за ручку ящика, повис на секунду, дёрнулся — и из ящика, кувыркаясь, вылете-

ла маленькая карточка. Она приземлилась прямо у ног Елены Михайловны.

Это была фотография: на ней Регина Львовна стояла рядом с каким-то мужчиной у старого здания театра. Оба улыбались, но в улыбке Регины Львовны читалось что-то... натянутое. А на обороте чьей-то рукой было выведено: «Никогда не доверяй тем, кто слишком хорошо помнит прошлое».

Елена Михайловна подняла глаза на Регину Львовну. Та побледнела.

— Откуда это у вас в шкафу? — тихо спросила Елена Михайловна.

Регина Львовна сглотнула и прошептала:

— Я думала, что сожгла эту фотографию. Много лет назад.

Капитан Олег Дмитриевич закрыл блокнот и посмотрел на Елену Михайловну так, будто заранее знал, что она не уйдёт, пока не докопается до правды.

— Похоже, мы имеем дело не с обычной кражей, — сказал он. — Тут чья-то старая история решила напомнить о себе.

Тихон подошёл, боднул Елену Михайловну в колено и посмотрел на неё с видом «мы только начали, а уже столько всего».

И Елена Михайловна кивнула:

— Да. И я хочу знать, чья именно.

Регина Львовна всплеснула руками, и этот жест был таким театральным, что даже в разгромленной гримерке на секун-

ду показалось, будто она репетирует финальную сцену трагедии:

— Это скандал! Это конец репутации театра! Конец! Мы не просто потеряли драгоценности — мы потеряли доверие! Завтра об этом напишут все газеты, и никто не вспомнит, что у нас в прошлом сезоне была лучшая «Чайка»!

Зинаида Павловна торопливо кивала, прижимая к груди вешалку, как щит:

— Да-да, конец. Нас закроют. Или, того хуже, сделают реалити-шоу: «Театр в панике».

Капитан Олег Дмитриевич спокойно поправил папку с бумагами и тихо, но твёрдо сказал:

— Давайте пока без прогнозов. Сначала найдём, что пропало, потом будем думать, что с этим делать.

Елена Михайловна стояла чуть в стороне, наблюдая. Она не любила истерик, но знала: когда человек кричит, он невольно выдаёт лишнее. И сейчас Регина Львовна кричала так, будто боялась не газет, а чего-то гораздо более личного.

Тихон, который до этого момента чинно сидел, будто слушал совещание, вдруг решил, что пора действовать. Он спрыгнул с пуфа, обошёл комнату, внимательно обнюхал коробку с реквизитом (на крышке которой криво было выведено мелом: «Не трогать — это для второго акта!»), а потом, не раздумывая, уселся прямо на крышку.

И тут случилось странное.

Коробка чуть скрипнула, Тихон удивлённо мяукнул, а по-

том крышка сама собой приподнялась, обнажив узкий потайной отсек, которого раньше никто не замечал.

— Что это?! — выдохнула Зинаида Павловна.

Регина Львовна резко замолчала на полуслове, будто кто-то выключил звук. Её лицо стало блее грима для трагической роли.

Тихон осторожно приподнял лапу, будто сам не верил в свою удачу, и из отсека выглядывал уголок плотной бумаги. Елена Михайловна наклонилась и аккуратно вытащила документ — пожелтевший, сложенный вчетверо, с сургучной печатью по краю.

— Похоже на опись, — тихо сказала она, разворачивая лист.

Олег Дмитриевич подошёл ближе, прищурился:

— Дата — 1998 год. И подпись... Регина Львовна, это ваша подпись?

Та судорожно сглотнула и прошептала:

— Я... я не помню. То есть помню, но... это не то, что вы думаете.

— А что мы думаем? — спокойно спросил капитан.

— Мы думаем, что в этом потайном отсеке не должно быть документов двадцатилетней давности, — сказала Елена Михайловна, водя пальцем по строчкам. — И что в этой описи перечислены... те самые драгоценности. Которые сейчас пропали.

Зинаида Павловна охнула и уронила вешалку. Та упала с

таким звуком, будто в театре объявили антракт после апокалипсиса.

— То есть они... уже пропадали? — уточнила Елена Михайловна.

Регина Львовна закрыла лицо руками:

— Не пропадали. Их... временно перемещали. Для реставрации. Но никто не должен был знать. Если бы тогда всплыло, что мы не смогли обеспечить сохранность... это был бы конец. Не только для меня, для всего театра.

В комнате повисла тишина, густая, как театральный дым. Даже Тихон перестал шевелить усами и сидел, глядя на всех с видом «я не хотел, но я прав».

Олег Дмитриевич медленно убрал документ в прозрачный пакет и посмотрел на Регину Львовну уже не как на истеричную руководительницу, а как на человека, у которого есть своя, очень старая тайна:

— Значит, история этих драгоценностей длиннее, чем мы думали. И, возможно, тот, кто их забрал сейчас, знал про эту историю лучше всех.

Елена Михайловна подошла к Тихону, присела рядом и тихо сказала:

— Ну вот, Тихоша. Ты не просто сел на коробку. Ты сел на самую главную улику вечера.

Тихон моргнул, будто хотел сказать: «Я же говорил, что это не просто реквизит», а потом потянулся и уронил с полки баночку с блёстками — прямо на папку капитана.

Олег Дмитриевич вздохнул, стряхнул блёстки и едва заметно улыбнулся:

— С таким помощником нам точно не будет скучно.

Елена Михайловна аккуратно подцепила уголок ещё одной бумажки, прятавшейся под пожелтевшей описью. Она была не сложена, а просто смята — будто её торопливо сунули в щель, лишь бы спрятать. Разгладив листок на колене, Елена Михайловна увидела всего три слова, выведенные твёрдой, но нервной рукой: «Не ищи дальше».

На секунду в примерке стало так тихо, что было слышно, как в соседнем крыле театра кто-то уронил связку ключей — звук прокатился по коридорам, как финальный удар гонга.

Регина Львовна первой нарушила молчание — но не криком, а шёпотом, от которого мороз шёл по коже:

— Это... это не может быть совпадением. Кто-то знал про тайник. Кто-то знал, что я... что мы тогда спрятали опись.

Зинаида Павловна прижала вешалку к груди, словно это был спасательный круг:

— Значит, это не случайная кража. Это... персонально против вас, Регина Львовна.

Капитан Олег Дмитриевич взял записку, поместил её в прозрачный файл и кивнул Елене Михайловне:

— Вы были правы. Это не просто кража драгоценностей. Это послание. И адресовано оно явно не охране театра.

Елена Михайловна медленно кивнула, глядя не на записку, а на Регину Львовну:

— Тот, кто это написал, хотел, чтобы вы испугались. Хотел, чтобы вы не искали. А значит, он боится, что правда всплывёт.

Тихон, который до этого момента изображал из себя образец кошачьей невозмутимости, вдруг чихнул, подпрыгнул и зацепил хвостом стопку старых афиш. Они посыпались веером, и одна из них — потрёпанная афиша спектакля 1998 года — упала прямо лицевой стороной вверх. На фото в центре была Регина Львовна, а рядом с ней — мужчина в элегантном костюме, с лёгкой полуулыбкой, будто он знал какой-то очень приятный секрет.

— Это он, — вдруг прошептала Регина Львовна, побелевшими пальцами указывая на мужчину. — Леонид Борисович. Тот самый хранитель из музея, который тогда привёз драгоценности. Он знал про тайник. Он помогал мне... спрятать опись. Говорил, что так будет безопаснее.

Олег Дмитриевич прищурился:

— И где он сейчас?

Регина Львовна опустила глаза:

— Я не знаю. После той истории он уволился. Уехал. Или... говорят, что умер. Я не проверяла. Не хотела вспоминать.

Елена Михайловна тихо вздохнула. В этом «не хотела вспоминать» было больше правды, чем в любых оправданиях.

Тут Тихон подошёл к Елене Михайловне, боднул её в ла-

донь и посмотрел снизу вверх с выражением «я сделал всё, что мог, дальше ты сама». На его шерсти блестели блёстки — остатки того самого облака, что он устроил минутой раньше. Но сейчас даже эти блёстки казались не смешными, а какими-то тревожными, будто сами искры были частью загадки.

— Ладно, — сказала Елена Михайловна, поднимаясь и застёгивая пуговицу на пальто. — Если кто-то не хочет, чтобы мы искали, значит, мы будем искать вдвойне.

Она посмотрела на капитана:

— Нужно проверить всё, что связано с Леонидом Борисовичем. Его прошлое, его связи, его... даже его любимые сорта чая, если придётся.

Олег Дмитриевич едва заметно улыбнулся:

— Люблю, когда у следствия есть мотивация.

А Зинаида Павловна вдруг встрепенулась:

— А я знаю, у кого могут быть старые письма! У Клары Семёновны, бывшей концертмейстерши. Она всё хранит: билеты, записки, даже фантики, если на них что-то написано.

— Отлично, — кивнула Елена Михайловна. — Значит, завтра первым делом — к Кларе Семёновне.

Тихон мякнул, будто сказал: «Я с тобой», и тут же попытался запрыгнуть на шкаф — но соскользнул и приземлился прямо на папку с документами, придавив её всей своей пушистой решимостью.

Все невольно улыбнулись — хоть на секунду, но напряжение спало.

— Ну вот, — пробормотала Елена Михайловна, вытаскивая папку из-под кота. — Даже когда он мешает, он как будто помогает.

Кабинет завхоза, который на время расследования превратился в импровизированный допросный пункт, пах пылью, лаком для паркета и лёгким отчаянием — будто даже стены понимали, что в театре не место для серьёзных разговоров.

Марк сидел на жёстком стуле, закинув ногу на ногу, и выглядел так, будто его позвали не на допрос, а на кастинг «Самый обаятельный подозреваемый».

— Ну, если это допрос, то где кофе? И хотя бы печеньеце? У нас в труппе за такие условия вообще-то надбавку платят, — весело сказал он, сверкнув улыбкой, которая, по задумке, должна была обезоружить всех присутствующих.

Капитан Олег Дмитриевич даже не моргнул:

— Расскажите, где вы были во время антракта и после спектакля. Желательно без актёрских пауз.

— О, я был везде, — бодро ответил Марк. — Сначала в буфете — проверял, не испортился ли эклер, потом в костюмерной — помогал Зинаиде Павловне искать пуговицу, потом в реквизитной — прятался от Регины Львовны, потому что она хотела, чтобы я ещё раз прорепетировал монолог.

Елена Михайловна слушала, кивала, но смотрела не в глаза Марку, а чуть ниже — на рукав его пиджака. Там, на тёмно-синей ткани, цеплялись две тонкие нитки: одна золоти-

стая, другая — ярко-алая. Такие нитки не шли ни к его сценическому костюму, ни к повседневной одежде.

Тихон, устроившийся на подоконнике (потому что стулу ему показался слишком официальным), наклонил голову, будто пытался понять, съедобны ли эти нитки. Потом фыркнул и спрыгнул прямо на стопку протоколов — но не со зла, а просто потому, что инерция у него работала лучше логики.

Олег Дмитриевич тяжело вздохнул и поправил бумаги:

— У нас есть свидетельские показания, что вас видели у служебного входа примерно в то время, когда обнаружили беспорядок в гримерке.

— А, это я! Я как раз выходил подышать. У меня, знаете, паника перед финалом. Вдох-выдох, вдох-выдох... Я даже считал шаги.

Елена Михайловна наконец заговорила — спокойно, буднично, будто обсуждала расписание репетиций:

— Марк, а нитки откуда?

Он машинально дёрнул плечом, посмотрел на рукав — и улыбка на секунду сползла, как плохо закреплённый грим.

— Нитки? А, это... реквизитная магия. Наверное, зацепился за что-то.

— Скорее всего, — кивнула Елена Михайловна. — Только вот эти нитки — от костюма Инги. А костюм в тот вечер висел в гримерке номер два. Вы ведь туда не заходили?

Марк замер. Улыбка теперь держалась на честном слове.

— Ну... может, и заходил. Инга просила передать ей

шпильку. А я вечно всё роняю, вот и зацепился.

— Шпильку передали?

— Не помню. То есть помню, но смутно. В театре столько всего происходит, что отдельные шпильки теряются в общей драме.

Тут Тихон подошёл к Марку, внимательно посмотрел ему в глаза, потом ткнулся носом в колено и громко мяукнул — будто требовал правды без цензуры.

Марк нервно хихикнул:

— Слушай, кот, не смотри так. Ты меня пугаешь больше, чем капитан.

Олег Дмитриевич чуть приподнял бровь:

— Значит, вы были в гримерке Инги. И могли видеть, что там происходит. Или даже слышать.

— Ничего я не видел! И не слышал! Ну, кроме того, что Инга опять спорила с Региной Львовной. Это как фоновый шум в театре — привыкаешь и не замечаешь.

Елена Михайловна наклонилась чуть вперёд, не повышая голоса:

— Марк, если вы что-то знаете, лучше скажите сейчас. Потому что эти нитки — не просто нитки. Это улика. А улики имеют привычку появляться в самых неудобных местах.

Марк опустил ноги, ссутулился и вдруг стал выглядеть не как блистательный актёр, а как уставший человек, которому надоело держать лицо:

— Ладно... Я видел, как кто-то выходил из гримерки Ре-

гины Львовны. Прямо перед антрактом. Человек в тёмном пальто, капюшон надвинут. Лица не разглядел. Но он шёл быстро, как будто боялся, что его заметят.

В комнате стало тише. Даже Тихон перестал шуршать бумажками и сел, наострив уши.

— Почему сразу не сказали? — спокойно спросил Олег Дмитриевич.

— Потому что испугался, — честно признался Марк. — У нас в театре и так все друг на друга косятся. А если я скажу, что видел кого-то у гримерки, все подумают, что это я и есть. Тем более что я как раз заходил к Инге... и вот эти нитки...

Елена Михайловна мягко сказала:

— Спасибо, что сказали. Это важно. И не переживайте: нитки мы проверим, а человека в капюшоне найдём.

Марк криво улыбнулся:

— Главное, чтобы меня в афише не подписали как «подозреваемый в эпизодической роли».

Тихон подошёл, боднул его в ладонь — будто хотел сказать: «Ты не злодей. Просто запутался».

Марк удивлённо посмотрел на кота, потом тихо рассмеялся:

— Знаешь, Тихон, ты единственный, кто сейчас не смотрит на меня как на преступника.

Елена Михайловна нашла Костю в самом тёмном углу осветительной будки — он сидел на ящике из-под ламп, обхватив колени, и смотрел в одну точку так, будто пытался

запомнить её навсегда, чтобы потом, если выгонят, вспоминать хоть что-то родное. Тихон тут же устремился к нему — не из сочувствия, а потому что ящики всегда обещали что-то интересное: шуршание, пружину, внезапный провал.

— Костя, — тихо сказала Елена Михайловна, не подходя слишком близко, чтобы не спугнуть. — Я не с проверкой. И не от Регины Львовны. Просто... мне нужен тот, кто знает театр лучше всех.

Костя поднял глаза — в них читалась целая пьеса из одного акта: «я всё знаю, но мне страшно».

— Я ничего не видел, — быстро сказал он, хотя никто его ещё ни в чём не обвинял.

— Не надо «ничего не видел». Мне нужно не это. Мне нужно понять, как кто-то мог оказаться в гримерке Регины Львовны и уйти оттуда так, чтобы его никто не заметил.

Костя нервно провёл ладонью по волосам, потом посмотрел на Тихона, который уже пытался открыть крышку ящика когтем.

— Тихон, не надо, — мягко сказала Елена Михайловна.

Тихон замер, посмотрел на неё с видом «а я что, я просто проверял», и сел рядом с Костей, будто решил: этот парень сейчас нуждается в поддержке больше, чем в ящике.

Костя выдохнул:

— Тут... тут есть проходы. Не на планах. Старые, ещё с пятидесятых. По ним раньше реквизит таскали, чтобы не мешать на сцене. Сейчас ими почти не пользуются. Но я... я

иногда хожу. Чтобы быстрее. И чтобы... ну, побыть одному.

Елена Михайловна кивнула, не осуждая:

— И кто ещё о них знает?

Костя сжал пальцы в кулаки:

— Никто. То есть... может, Борис Петрович. Он старый завхоз, он всё знает. А больше никто. Если узнают, что я хожу по ним, меня выгонят. Скажут: «Ты нарушаешь технику безопасности». А я просто... не хочу толкаться в коридорах.

— А сегодня ты по ним ходил?

Он помолчал, потом кивнул:

— Да. В антракте. Хотел проверить один прожектор — он мигал. И вот... когда я шёл по узкому проходу за кулисами, я слышал шаги. Не обычные. Такие... тяжёлые, медленные. Будто человек не бежал, а специально шёл, чтобы его не услышали.

Елена Михайловна наклонилась чуть вперёд:

— Ты видел кого-нибудь?

— Нет. Но в одном месте проход выходит прямо к нише возле гримерки Регины Львовны. Там даже есть щель в стене — через неё видно часть комнаты. Я туда не смотрю, честно! Просто знаю, что она есть. И вот оттуда, из этой ниши, кто-то вышел. Не спеша. В тёмной куртке. Капюшон надвинут.

— Лицо не разглядел?

Костя помотал головой:

— Только силуэт. И ещё... он остановился на секунду, будто прислушивался. Потом пошёл дальше, к служебному

выходу.

Тихон вдруг встал, подошёл к стене, поскрёб её лапой и мяукнул — будто хотел сказать: «Там, там он прошёл».

Костя вздрогнул:

— Он что... понимает?

Елена Михайловна чуть улыбнулась:

— Иногда мне кажется, что он понимает больше нас всех. Просто не говорит — ему лень формулировать.

Костя слабо усмехнулся, но тут же снова помрачнел:

— Если Регина Львовна узнает, что я знаю про нишу... она скажет, что это подглядывание. Что я... что я шпионю за актёрами.

— Мы не скажем Регине Львовне, — твёрдо сказала Елена Михайловна. — Пока не нужно. Но это очень важная деталь. Она может спасти кого-то от несправедливого обвинения.

Тут в дверь будки заглянул Олег Дмитриевич. Он не спешил, не кричал, просто стоял и ждал, пока его заметят.

— Ну что, нашли нашего проводника по закулисыю?

Костя сжался, будто хотел стать меньше ящика.

— Капитан, я ничего не нарушал! Я просто...

Олег Дмитриевич поднял руку:

— Спокойно. Мне не нужны нарушения. Мне нужна правда. И если ты знаешь про тайные проходы, значит, ты можешь помочь найти того, кто ими воспользовался.

Костя посмотрел на Елену Михайловну, будто искал у неё разрешение. Она едва заметно кивнула.

— Ладно, — выдохнул Костя. — Я покажу. Только... давайте без Регины Львовны. Пожалуйста.

Они двинулись по узкому, пыльному коридору, который даже не значился на официальных планах театра. Стены здесь были в старых отметинах, пол слегка пружинил, а воздух пах вековой пылью и чем-то ещё — будто сам театр хранил здесь свои секреты и не хотел их отдавать.

Тихон шёл впереди, смешно задирая лапы, будто боялся наступить на чью-то забытую тайну. И вдруг остановился у небольшой ниши в стене. Костя подошёл, приложил ладонь к стене и чуть надавил — плита сдвинулась, открывая узкую щель.

— Вот, — прошептал он. — Отсюда видно гримерку.

Елена Михайловна заглянула в щель. Вид был идеальный: дверь гримерки, часть зеркала, шкаф... и тот самый угол, где валялся опрокинутый пуф.

— Отсюда можно было видеть, как кто-то заходит и выходит, — тихо сказала она.

Олег Дмитриевич осмотрел нишу, потом повернулся к Косте:

— Молодец, что сказал. Это не подглядывание. Это помощь следствию.

Костя чуть расправил плечи:

— Правда?

— Правда, — кивнула Елена Михайловна. — А теперь скажи: кто ещё мог знать про эту нишу?

Костя задумался, почесал затылок:

— Ну... Борис Петрович точно. И... может быть, Леонид Борисович. Тот хранитель из музея. Он как-то раз помогал нам переносить старый реквизит. Он тогда сказал: «В этом театре стены умеют хранить секреты».

Елена Михайловна переглянулась с капитаном.

— Значит, круг сужается, — тихо сказал Олег Дмитриевич.

А Тихон в этот момент чихнул от пыли, подпрыгнул и зацепил когтем старую верёвочку, висевшую на стене. С неё сорвался маленький жестяной жетон с номером. Он звякнул, прокатился по полу и остановился у ноги Елены Михайловны.

Она подняла его, повертела в пальцах. На жетоне была выбита цифра «17» и аббревиатура «ТЭТ» — Театр эстрадных традиций, старое название театра.

— Ещё одна деталь, — пробормотала Елена Михайловна. — И, кажется, она из прошлого.

Кабинет завхоза Бориса Петровича пах лаком, машинным маслом и той особой тишиной, которая бывает только в местах, где всё строго учтено: от гвоздя до пожарной лопаты. На стене висели связки ключей — целые созвездия из металла, а на столе лежал толстый журнал в потрёпанной кожаной обложке — тот самый, где фиксировали, кто и когда брал ключи.

Борис Петрович сидел за столом, прямой, как штырь, и

смотрел на Елену Михайловну, Олега Дмитриевича и Тихона так, будто они пришли не расследовать кражу, а украсть последний исправный разводной ключ.

— Я всё храню, — буркнул он, постукивая пальцем по обложке журнала. — У меня тут не хаос, как за кулисами, а порядок.

Елена Михайловна вежливо кивнула:

— Нам нужно посмотреть, кто брал ключ от гримерки 3 в день пропажи.

Борис Петрович хмыкнул, будто ожидал именно этого запроса, и раскрыл журнал на нужной странице. Провел толстым пальцем по строчкам, остановился и постучал ногтем по одной записи:

— Вот. Ключ брали. В тот самый день. В 17:42.

Олег Дмитриевич наклонился, взгляделся:

— А подпись?

Борис Петрович поморщился, словно от зубной боли:

— Вот тут и беда. Подпись... неразборчива. Будто кто-то нарочно писал левой рукой, да ещё и в темноте.

Елена Михайловна присмотрелась: на бумаге и правда было что-то похожее на закорючку — то ли «М», то ли «К», то ли просто клякса, замаскированная под букву.

— Никто не видел, кто брал? — тихо спросила она.

Борис Петрович покачал головой:

— В тот день у меня тут проходной двор был. То реквизит несли, то лампочки меняли, то Марк опять что-то искал

«срочно, на пять минут». Я на минуту вышел — журнал на столе остался. Вернулся — уже закрыто. А кто успел расписаться... не знаю.

Тихон тем временем обнюхал связку ключей, потом вдруг боднул журнал так, что страница чуть не перевернулась.

— Тихон! — шикнула Елена Михайловна.

— Да ладно, — проворчал Борис Петрович, но в глазах мелькнуло что-то вроде уважения. — Кот понимает: тут дело нечисто.

Олег Дмитриевич достал лупу (на удивление маленькую, почти игрушечную) и склонился над подписью. Поводил, прищурился:

— Тут не просто неразборчиво. Тут будто специально старались запутать. Штрихи слишком резкие, линия дрожит. Как будто человек торопился и не хотел, чтобы его узнали.

— Или не умел писать, — буркнул Борис Петрович.

Елена Михайловна задумчиво постучала пальцем по столу:

— Значит, кто-то знал, что журнал ведут, и всё равно рискнул. Значит, ему очень нужен был этот ключ. И он был уверен, что успеет.

Тут Тихон, будто решив, что теория — это скучно, прыгнул на край стола и зацепил когтем уголок страницы. Лист чуть приподнялся, и под ним мелькнула ещё одна строчка — не в графе «взял», а в графе «вернул».

— Подождите, — сказала Елена Михайловна, аккурат-

но приподнимая страницу. — Тут время возврата: 18:15. А спектакль начался в 18:00. То есть ключ вернули уже после того, как поднялся занавес.

Борис Петрович нахмурился:

— Точно. Я тогда ещё подумал: странно. Кто-то взял и сразу вернул. Будто не для долгого дела, а для одного раза.

Олег Дмитриевич записал время в блокнот:

— То есть преступник точно был в театре во время спектакля. И, скорее всего, не актёр — актёры в это время на сцене.

— Или был очень хорошим актёром, — тихо добавила Елена Михайловна.

В этот момент Тихон спрыгнул со стола, обошёл комнату, принялся к одной из связок ключей и вдруг потянул за кольцо — не сильно, но настойчиво. Борис Петрович дёрнулся:

— Эй, полегче! Это от пожарного выхода!

Но Елена Михайловна уже смотрела на ключ, который Тихон выделил. На нём висел маленький пластиковый жетон с номером — точно такой же, как тот, что они нашли в нише. «17», «ТЭТ».

Она подняла глаза на Бориса Петровича:

— Эти жетоны... они старые?

Тот кивнул:

— Ещё с тех времён, когда театр назывался «Театр эстрадных традиций». Их давно не используют, но я старые связки

не выбрасываю. Порядок должен быть во всём.

Елена Михайловна переглянулась с Олегом Дмитриевичем.

— Два жетона с одним номером, — тихо сказала она. — Один в нише, другой на связке. Это не совпадение.

Тихон сел рядом с ней, посмотрел на всех по очереди и мяукнул — будто подводил итог: «Я нашёл. Дальше вы».

Борис Петрович тяжело вздохнул:

— Если это всё связано... значит, кто-то пользуется старыми ключами. Или знает про старые системы. А это либо очень старый сотрудник, либо кто-то, кто очень хорошо спрашивал старых сотрудников.

Елена Михайловна кивнула:

— Спасибо, Борис Петрович. Вы нам очень помогли.

Он хмыкнул, но в этом «хмыке» уже не было прежней суровости — скорее, лёгкая гордость: он тоже оказался частью расследования.

А Тихон, решив, что миссия выполнена, запрыгнул на ящик, свернулся клубком и прикрыл глаза — будто говорил: «Теперь можно и отдохнуть. Но если что — я тут».

Рита сидела перед монитором в тесной комнатке охраны, где пахло перегретым пластиком и кофе из автомата, и хмурилась так сосредоточенно, будто пыталась разгадать не кадры с камер, а шифр древней цивилизации. Рядом на столе лежала раскрытая копия журнала Бориса Петровича, исчерканная её аккуратными пометками.

Елена Михайловна и Олег Дмитриевич стояли у неё за спиной, а Тихон, не найдя ничего интересного в проводах, устроился прямо на клавиатуре — но не для того, чтобы мешать, а чтобы быть в центре событий.

— Вот, — тихо сказала Рита, тыкая пальцем в экран и одновременно сверяясь с журналом. — Смотрите. В журнале ключ от гримерки 3 взяли 18 июля в 17:42. А на камере...

Она щёлкнула мышкой, перемотала запись, поставила на паузу. На кадре — коридор у кабинета завхоза. Время в углу: 19 июля, 17:38.

— Это тот же коридор, — пояснила Рита, будто боялась, что её не поймут. — И тот же ракурс. Я проверила все дни подряд. 18го в 17:42 в этом коридоре вообще никого нет. Ни Бориса Петровича, ни кого-то у его двери. А 19го как раз кто-то мелькнул в проёме — но лица не видно, только силуэт в тёмной куртке.

Олег Дмитриевич наклонился ближе, прищурился:

— То есть в журнале указана одна дата, а на видео — другая.

— Именно, — кивнула Рита. — И это не сбой системы. Я проверила синхронизацию времени на всех камерах. Всё ровно. Значит, либо журнал подделали, либо... кто-то специально подставил неверную дату.

Елена Михайловна задумчиво провела пальцем по краю стола:

— Подставить дату проще, чем подделать подпись. Осо-

бенно если завхоз на минуту отлучился. Кто-то просто вписал нужное число, пока журнал лежал без присмотра.

Тихон вдруг поднял голову, уставился на монитор, будто увидел там что-то знакомое, и мяукнул.

— Думаешь, это тот самый человек в капюшоне? — тихо спросила Елена Михайловна, наклоняясь к нему.

Тихон боднул её ладонь, потом снова уставился на экран — и на секунду Елене Михайловне показалось, что в его взгляде читается: «Я его уже встречал. Только не помню где».

Олег Дмитриевич достал блокнот и записал: «Несоответствие даты: журнал — 18.07, камера — 19.07».

— Значит, кража произошла позже, чем мы думали, — сказал он. — И кто-то очень постарался, чтобы мы искали не там.

Рита закусила губу:

— Есть ещё коечто. Я посмотрела запись с камеры у служебного выхода. В тот вечер, 19го, в 18:10 оттуда выходил человек в тёмной куртке и с сумкой. Сумка большая, театральная, для реквизита. Лица не видно — капюшон закрывает. Но походка... мне кажется, я её где-то видела.

— Где? — быстро спросил Олег Дмитриевич.

Рита пожала плечами:

— Не могу вспомнить. Будто мельком видела в фойе или у буфета. Но ощущение такое, будто это кто-то из своих. Не случайный прохожий.

Елена Михайловна кивнула:

— Тогда всё сходится. Свои знают про журнал, знают про камеры, знают, как запутать следы.

Тут Тихон, которому надоело быть только зрителем, потянулся, зацепил когтем листок с пометками и стянул его на пол. Листок спланировал рядом с ботинком Олега Дмитриевича. На нём была выписана цепочка: «Дата в журнале — неверная преступник был в театре 19го знал про журнал и камеры свой человек».

Рита вздохнула, подняла листок и улыбнулась:

— Ну вот, даже Тихон согласен.

Олег Дмитриевич чуть приподнял уголки губ:

— Ладно. Значит, работаем с 19м числом. Рита, проверь ещё камеры в радиусе двух кварталов от служебного выхода — может, там он попал в кадр без капюшона. Елена Михайловна, давайте подумаем, кто из «своих» мог знать про журнал и иметь доступ к коридорам.

Елена Михайловна уже смотрела не на экран, а куда-то в сторону, будто в голове у неё щёлкали шестерёнки, складывая новую картину:

— А ещё у нас есть жетоны с номером 17. И старые проходы, о которых знают не все. Если соединить эти детали...

Тихон сел рядом, положил голову ей на ботинок и посмотрел снизу вверх: «Мы почти у цели. Только не забудь, что я тоже участвовал».

2.Глава.Валера из кафе рассказывает: «Вчера сюда заходил странный тип, спрашивал, когда Регина Львовна уходит».

Кафе «За кулисами» пахло свежесмолотым кофе, ванилью и сплетнями — тут их подавали как фирменный топпинг к каждому пирожному. Валера, бармен и главный хранитель театральных секретов, протирали бокал с таким видом, будто на нём была зашифрована вся история театра, и только он умел её прочесть.

Елена Михайловна села на высокий табурет, Тихон тут же запрыгнул на соседний — и тут же понял, что сидеть на нём неудобно, но отступать было стыдно, поэтому он замер в напряжённой позе «я так задумал».

— Валер, — начала Елена Михайловна, стараясь говорить как можно будничнее, — скажи, не было ли у тебя вчера кого-то... необычного?

Валера прищурился, поставил бокал и наклонился вперёд, будто собирался доверить страшную тайну:

— Необычного? Тут каждый второй необычный. Один пришёл, заказал эспрессо и полчаса смотрел в чашку, будто

там ему судьба пишется. Другая просила «что-нибудь с корницей, но без драмы».

Елена Михайловна чуть улыбнулась:

— А кто-то, кто спрашивал про Регину Львовну? Когда она уходит, во сколько... что-то такое.

Валера замер на секунду — и в этом мгновенном замирании было больше правды, чем в любом «да» или «нет». Потом он медленно кивнул:

— Был такой. Вчера. В районе шести. Мужчина. В тёмной куртке, капюшон надвинут. Невысокий, плечи широкие, будто привык таскать реквизит. Он не представился, не шутил, не просил меню. Просто спросил: «Когда обычно уходит художественный руководитель?» И ещё: «Есть ли служебный выход со двора?»

Тихон вдруг вытянул шею, наострил уши и тихо мяукнул — будто вспомнил этого человека.

— Точно он, — пробормотала Елена Михайловна.

— Ты его знаешь? — спросил Валера.

— Пока нет. Но очень хочу познакомиться.

Валера понизил голос, хотя в кафе и так никого, кроме них, не было:

— Он ещё сказал одну странную штуку. Когда я спросил: «А зачем вам?», он пожал плечами и ответил: «Хочу убедиться, что она не задержится». И так это сказал... не по-доброму. Будто надеялся, что она уйдёт пораньше.

Елена Михайловна нахмурилась:

— То есть он не просто интересовался, он планировал.

— Именно, — кивнул Валера. — И ещё... он расплатился наличными. И сдачу не взял. Будто торопился.

Тут Тихон спрыгнул с табурета, обошёл стойку, ткнулся носом в мусорное ведро (Валера тут же его прикрыл: «Не надо, там только кофейная гуща»), потом вернулся и сел у ноги Елены Михайловны, глядя на неё с видом «я всё проверил — он тут был».

— Спасибо, Валер, — тихо сказала Елена Михайловна. — Это очень важно.

Валера вздохнул, взял другой бокал и начал протирать его с преувеличенной тщательностью:

— Только не говори, что у нас тут теперь тоже допрос. Я люблю быть источником информации, но не подозреваемым.

— Ты не подозреваемый, — улыбнулась Елена Михайловна. — Ты — ценный свидетель.

— Ну хоть так, — буркнул Валера, но в глазах мелькнуло удовлетворение. — Если ещё что вспомню — сразу скажу. Например, если он снова придёт и спросит, где у нас хранят огнетушители.

Елена Михайловна уже доставала телефон, чтобы набрать Олега Дмитриевича, когда Валера вдруг добавил:

— И ещё... у него на куртке была маленькая дырочка. На плече. Будто зацепился за гвоздь или за край ящика. И нитка торчала. Такая... золотистая.

Елена Михайловна замерла с телефоном в руке. Золоти-

стая нитка. Как та, что была на рукаве Марка. Но теперь всё становилось на свои места: не Марк зацепился за костюм, а преступник — за что-то в театре. И эта нитка могла быть не уликой против Марка, а ниточкой к настоящему вору.

— Валер, ты просто золото, — выдохнула она.

— Знаю, — хмыкнул он, но тут же смущённо поправил фартук. — Ну, в смысле... я просто наблюдательность тренирую. Чтобы в спорах про спектакли не проигрывать.

Тихон подошёл, боднул Валеру в ладонь и мяукнул — словно благодарил за помощь.

— Ладно, — сказала Елена Михайловна, вставая. — Пора делиться этим с капитаном. И проверить, не осталось ли где-то ещё такой нитки.

Она уже направилась к выходу, но Валера окликнул:

— Эй, Елена Михайловна! Если вдруг выяснится, что это всё из-за старого реквизита, который кто-то хотел продать... скажи мне первым. Я тут столько легенд слышал, что теперь уже не удивлюсь, если выяснится, что в подвале живёт призрак завхоза и торгует украшениями.

Елена Михайловна улыбнулась:

— Если выяснится — обязательно скажу. Но пока у нас есть только человек в тёмной куртке. И он очень не хочет, чтобы его нашли.

Эдуард-фотограф жил в мире, где даже пыль имела правильную экспозицию. Его мастерская была похожа на съём-

мочную площадку апокалипсиса: повсюду висели распечатанные кадры, на полках теснились объективы, а в воздухе витал запах проявителя и творческого напряжения. Тихон, едва переступив порог, тут же попытался поймать собственный хвост в отражении огромного зеркала — и проиграл, но гордо сделал вид, что это был элемент арт-перформанса.

— Я не люблю полицию, — буркнул Эдуард, не поворачиваясь от монитора, где крутился какой-то кадр в бесконечном цикле. — Но Елену Михайловну уважаю. Она однажды спасла мой любимый штатив, когда его чуть не унесли на сцену как реквизит «неведомая железная штука».

Елена Михайловна улыбнулась:

— Нам не нужна полиция. Нам нужен ты и твои кадры. Всё, что ты снимал в театре за последние дни, особенно у примерок.

Эдуард наконец развернулся, прищурился на Тихона, который теперь пытался лизнуть блестящую линзу, и строго сказал:

— Коту — ни к чему. Линза — святое.

Тихон замер, моргнул, будто перевёл: «Понял, это не еда», и сел рядом с Еленой Михайловной, всем видом показывая: «Я тут для серьёзного дела».

Эдуард вздохнул, щёлкнул мышкой, и на большом экране появилась галерея снимков. Он быстро пролистывал: фойе, репетиция, крупный план пустого стула, будто хотел сделать из него героя драмы.

— Вот, — вдруг сказал он, останавливаясь на одном кадре. Это был коридор у гримерок, снятый будто бы случайно, между делом: угол стены, дверь гримерки 3, половица с трещиной. И у самой двери — тень. Не просто тень, а отчётливый силуэт человека: плечи широкие, капюшон надвинут, рука будто тянется к ручке.

— Это 19го, — тихо сказал Эдуард. — Я тогда снимал общий план коридора для буклета «Закулисье без грима». Думал, получится атмосферно. А теперь вижу: тут кто-то лишний.

Елена Михайловна наклонилась к экрану, вглядываясь:

— Он не заходит внутрь. Он будто... проверяет. Или ждёт.

— Или убеждается, что дверь не заперта, — добавил Олег Дмитриевич, который зашёл минуту назад и теперь стоял чуть позади, не желая мешать, но не пропуская ни слова.

Эдуард покосился на него:

— Вы всё-таки из полиции?

— Из следствия, — спокойно поправил Олег Дмитриевич.

Фотограф хмыкнул, но спорить не стал. Вместо этого открыл другой кадр — тот же коридор, но ракурс чуть иной.

— А вот тут, — он ткнул пальцем в тёмный угол, — тень уже уходит. И сумка у него... театральная. Такая, в которой носят костюмы или реквизит. Чтобы не привлекать внимания.

Елена Михайловна медленно кивнула:

— Значит, он не просто зашёл. Он вынес что-то. И знал, как это сделать незаметно.

Тихон вдруг встал, подошёл к монитору, понюхал его (Эдуард тут же дёрнулся: «Не надо!») и громко мяукнул, будто сказал: «Это он. Тот самый из кафе».

— Знаешь его? — спросил Эдуард, глядя на кота с подозрением.

— Не лично, — улыбнулась Елена Михайловна. — Но у нас уже есть несколько кусочков. Теперь этот — самый чёткий.

Олег Дмитриевич достал телефон, сделал фото экрана:

— Качество хорошее. Можно попробовать увеличить и посмотреть детали ткани куртки. Если там та самая дырочка, о которой говорил Валера из кафе...

Эдуард прищурился:

— Дырочка?

— Да. На плече. И золотистая нитка.

Фотограф вдруг наклонился, приблизил фрагмент на экране и тихо присвистнул:

— Смотрите. Вот тут. На ткани куртки — маленькая прорезь. И нитка... кажется, золотистая. Будто зацепился за что-то острое.

Елена Михайловна сжала пальцы в кулаки — не от злости, а от того самого чувства, когда кусочки пазла вдруг начинают складываться в картинку.

— Он зацепился в театре. В одном из коридоров, в нише, в

проходе... где-то, где мало света и много старого реквизита. И эта нитка — как след. Как хлебные крошки.

Эдуард откинулся на стуле, скрестил руки:

— Если это тот, кто украл драгоценности, то он ещё и дурак. Оставлять такие следы.

— Или он думал, что их никто не заметит, — тихо сказала Елена Михайловна. — Что никто не будет смотреть на тени, на нитки, на старые жетоны. Что все будут смотреть только на сцену.

Тут Тихон, будто решив, что теория слишком скучна, прыгнул на полку с коробками, зацепил когтем край одной из них — и из щели выпал маленький клочок ткани. Точно такой же тёмной, как куртка на фото. И с той самой золотистой ниткой.

Эдуард охнул:

— Это... это не моё. Я не помню, чтобы у меня тут такое было.

Елена Михайловна подняла клочок, посмотрела на Олега Дмитриевича:

— А это уже не тень. Это вещественное доказательство.

Олег Дмитриевич аккуратно положил ткань в прозрачный пакет и записал: «Фрагмент куртки, найден в мастерской Эдуарда».

— Как он сюда попал? — пробормотал Эдуард, будто до сих пор не верил, что его святая святых оказалась частью преступления.

— Может, он заходил сюда, — предположила Елена Михайловна. — Может, хотел убедиться, что вы ничего не снимаете в нужный момент. Или, наоборот, хотел подбросить что-то... или забрать.

Тихон сел рядом, посмотрел на всех по очереди и мяукнул — будто сказал: «Я нашёл. Теперь давайте поймаем».

Эдуард медленно покачал головой:

— Никогда не думал, что в моей мастерской будет расследование. Я тут обычно ищу драматизм в складке занавеса, а не следы преступника.

Елена Михайловна мягко улыбнулась:

— Иногда драма приходит сама. Главное — не дать ей испортить спектакль.

Коридор третьего этажа пах мокрой тряпкой, старым деревом и той особенной тишиной, которая бывает только в пустых служебных помещениях — будто сам воздух тут знал, что ему положено быть незаметным. Елена Михайловна и Олег Дмитриевич шли по нему почти на цыпочках, хотя никто их не гнал. Тихон, напротив, цокал когтями по полу с вызывающей громкостью — будто хотел доказать, что он тут не для конспирации, а для полноты картины.

Люда-уборщица стояла у приоткрытой решётки вентиляции, держа швабру как щит, и смотрела на них так, будто боялась, что её сейчас обвинят в том, что пыль в театре вообще существует.

— Я не хотела лезть, — зашептала она, едва завидев Еле-

ну Михайловну. — Но когда вы про пропажу спрашивали, я всё думала: сказать или нет. А потом вспомнила... и стало страшно.

Елена Михайловна подошла ближе, но не вплотную — чтобы не пугать:

— Люда, ты ничего не сделала. Ты просто видела. А это сейчас самое ценное.

Люда сглотнула, покосилась на Олега Дмитриевича, потом снова на Елену Михайловну и выдохнула:

— Я видела, как кто-то прятал что-то в вентиляцию. Прямо тут, у гримерки 3. Я как раз шла с ведром, хотела пол помыть, а тут тень мелькнула. Я подумала, это Костя опять по своим ходам шмыгает, и хотела крикнуть: «Опять нарушаешь!», а потом вижу — не Костя. Человек в тёмной куртке, капюшон надвинут. Он быстро так наклонился, сунул что-то за решётку, чуть её не погнул, и пошёл дальше, будто ничего и не было.

Олег Дмитриевич тут же присел, внимательно осмотрел решётку. Края были чуть поцарапаны, будто кто-то торопливо поддевал их, чтобы открыть.

— Когда это было? — тихо спросил он.

— В тот вечер. Перед спектаклем. Часов в шесть, может, чуть позже. Я тогда ещё подумала: странно, никто обычно тут не ходит, все в гримерках, на сцене... А тут кто-то шныряет.

Тихон подошёл к решётке, принюхался, потом сел и уста-

вился на щель так, будто внутри сидел его заклятый враг — пылевой клещ. Потом мяукнул: «Проверяйте. Там что-то есть».

Елена Михайловна кивнула Олегу Дмитриевичу:

— Если он спрятал что-то сразу после кражи, значит, не хотел уносить с собой. Боялся, что на выходе проверят сумку. Или хотел вернуться за этим позже.

Олег Дмитриевич достал из кармана тонкий фонарик и посветил в шахту. В глубине, в полутьме, что-то поблёскивало — не ярко, но достаточно, чтобы понять: там точно что-то лежит.

— Не трогайте! — вдруг вскрикнула Люда, и тут же испуганно прикрыла рот ладонью. — Простите... Просто я видела, как он это прятал, и мне казалось, что это... опасное.

Елена Михайловна мягко улыбнулась:

— Всё в порядке, Люда. Мы аккуратно. Это уже не просто уборка — это помощь следствию.

Олег Дмитриевич снял решётку — она поддалась с тихим скрипом, будто не хотела выдавать свою тайну. Потом осторожно протянул руку в шахту и вытащил небольшой свёрток, замотанный в тёмную ткань. Развернул край — и в луче фонарика сверкнули камни.

— Драгоценности, — тихо сказала Елена Михайловна.

Люда охнула и прижала кулак к губам:

— Значит, я не придумала. Значит, правда...

Тихон тут же подошёл, боднул свёрток лапой (Олег Дмит-

риевич тут же одёрнул руку: «Тихон, это улика!»), но кот только фыркнул: «Я не трогал, я подтверждал».

Елена Михайловна посмотрела на Люду:

— Ты молодец. Если бы ты промолчала, мы бы искали не там.

Люда чуть расправила плечи, будто с них свалился тяжёлый мешок:

— А я боялась, что скажут: «Тебе показалось, иди мой полы».

— Никто так не скажет, — твёрдо сказал Олег Дмитриевич, аккуратно укладывая свёрток в прозрачный пакет. — Ты заметила то, что другие не видят. А в расследовании это самое главное.

Тут Тихон вдруг чихнул от пыли, подпрыгнул и зацепил когтем уголок старой афиши, висевшей рядом. Афиша упала, и под ней обнаружилась маленькая вмятина в стене — будто кто-то сильно ударил по ней или пытался что-то открыть. Елена Михайловна провела по ней пальцем:

— Ещё одна деталь. И, кажется, она старая.

Она посмотрела на Олега Дмитриевича:

— Получается, он не вынес драгоценности из театра. Он их спрятал. Чтобы вернуться позже. Или чтобы подставить кого-то.

Олег Дмитриевич кивнул:

— И, возможно, он не один. Тот, кто знал про тайные ходы, про журнал ключей, про привычки Регины Львовны...

кто-то ему помогал.

Тихон сел между ними, посмотрел на обоих и мяукнул — будто подвёл итог: «Мы нашли. Но это ещё не конец».

Подсобка пахла пылью, старым картоном и чем-то неуловимо театральным — будто даже забытые вещи здесь хранили отголоски прежних спектаклей. Елена Михайловна посветила фонариком в узкий проход между коробками: впереди темнел вход в вентиляционную трубу — низкий, тесный, явно не рассчитанный на людей.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — тихо спросила она у Тихона, который уже просовывал голову в трубу с видом кота, которому море по колено.

Тихон обернулся, мяукнул коротко и уверенно — мол, «я тут главный следопыт, давай без сомнений».

Елена Михайловна вздохнула, но спорить не стала: в этом расследовании Тихон уже столько раз оказывался прав, что игнорировать его чутьё было бы просто глупо. Она осторожно проползла следом, стараясь не задеть ржавые края трубы. Внутри было тесно, душно, и каждый шорох отдавался гулким эхом.

А потом Тихон вдруг замер. Его уши встали торчком, хвост напрягся, а потом он боднул лапой какой-то тёмный комок в углу и пропихнул его вперёд. Комок выкатился прямо к рукам Елены Михайловны — бархатный мешочек, тяжёлый, с тугой тесёмкой.

Она развязала узел, приоткрыла край... и на секунду за-

держала дыхание. Внутри не было драгоценностей. Только сложенный вчетверо пожелтевший листок и маленький ключ на потрёпанном шнурке.

— Не то, — прошептала Елена Михайловна, и в груди у неё что-то неприятно ёкнуло: будто они так близко подошли к разгадке, а она снова ускользнула.

Но Тихон не выглядел расстроенным. Он снова ткнулся носом в трубу, будто намекал: «Там ещё что-то есть». И действительно — в глубине виднелся какой-то острый край, царапавший металл.

Елена Михайловна потянулась туда, нащупала холодную железку и вытащила старую театральную бирку с выцветшей надписью «Реквизит 17. ТЭТ».

— Опять семнадцать, — пробормотала она. — Тот же номер, что и на жетонах...

Тихон в этот момент как раз пытался развернуться в трубе — и застрял. Сначала он сделал вид, что так и задумано, потом тихо, но выразительно мяукнул, и стало ясно: сам он назад не выберется.

Елена Михайловна прикусила губу, чтобы не рассмеяться (потому что в такой момент смеяться было неуместно, но Тихон в этой трубе выглядел до смешного героически), и аккуратно потянула его за задние лапы. Тихон сопротивлялся ровно две секунды, потом сдался и вывалился наружу, приземлившись на все четыре лапы с таким достоинством, будто это был заранее отрепетированный трюк.

Он встряхнулся, посмотрел на Елену Михайловну и фыркнул — мол, «ну вот, теперь можно и к делу».

В подсобку как раз заглянул Олег Дмитриевич:

— Ну что, нашли что-то?

Елена Михайловна протянула ему мешочек, листок и бирку:

— Драгоценностей тут нет. Зато есть это. И ещё... Тихон застрял в трубе, но зато нашёл улики.

Олег Дмитриевич взял бирку, повертел в пальцах, потом взглянул на ключ:

— Ключ без номера. Но бирка... «Реквизит 17». И на жетонах тоже была семёрка. Это не случайность.

Елена Михайловна кивнула:

— И листок... Давай посмотрим, что там.

Она осторожно развернула пожелтевшую бумагу. На ней неровным почерком было выведено: «Если найдут — всё пропало. Держи в тайне. Л.Б.»

— «Л.Б.», — тихо повторила Елена Михайловна. — Леонид Борисович...

Олег Дмитриевич нахмурился:

— Получается, он не просто помогал прятать опись. Он был в этом с самого начала. И, возможно, знал, где спрятаны драгоценности... или куда их собирались перепрятать.

Тихон подошёл, боднул мешочек лапой и посмотрел на обоих с видом «я же говорил, тут не просто пыль».

Елена Михайловна присела рядом с ним, погладила по

спине:

— Спасибо, напарник. Ты снова оказался самым внимательным.

Олег Дмитриевич убрал улики в пакет и кивнул:

— Теперь у нас есть направление. Надо найти, к какому замку подходит этот ключ. И выяснить, что ещё хранилось под номером 17 в старые времена.

Тихон зевнул, будто намекая, что на сегодня геройства достаточно, и уселся у ноги Елены Михайловны, всем видом показывая: «Я отдохну пять минут. Потом снова в бой».

Подвал театра пах сырой штукатуркой, старым деревом и чем-то ещё — тяжёлым, неподвижным, таким, что воздух будто застывал на полпути. Здесь редко бывали даже самые отчаянные из работников театра: только электрики, да ещё Гриша-практикант, который вечно хотел всё знать и везде побывать.

Елена Михайловна шла впереди, свет фонарика выхватывал из темноты облупившиеся стены и ржавые трубы. Тихон держался рядом, не прыгал, не нюхал углы — он вдруг стал непривычно серьёзным, будто тоже почувствовал: сегодня шутки неуместны.

Олег Дмитриевич шёл следом, и шаги его звучали в этом коридоре особенно гулко, как шаги человека, который уже знает, что впереди — плохое.

— Сюда, — тихо сказала Люда-уборщица, которая первой и нашла Гришу. Она стояла у поворота, прижимая к груди

тряпку, как будто это был талисман против беды. — Я хотела ящики переставить... думала, тут можно старые швабры сложить. А он... он лежал вот тут.

Луч фонарика скользнул по полу и замер. Гриша лежал у стены, неестественно вывернув руку, будто до последнего пытался за что-то ухватиться. Лицо его было спокойным, слишком спокойным для такого конца.

Тихон тихо мяукнул, подошёл ближе, но не вплотную — остановился в шаге, будто уважал чужую смерть. Потом принюхался и медленно, осторожно ткнулся носом в предмет, лежавший рядом с рукой Гриши.

Это была театральная маска — полуулыбка, полунасмешка, будто кто-то хотел сказать: «Смотри, как смешно всё обернулось». А рядом, почти спрятанный в тени, лежал один из пропавших кулонов — тот самый, с изумрудом, который Регина Львовна надевала только на премьерные спектакли.

Елена Михайловна опустила на корточки, не касаясь ничего, только глядя. В груди что-то сжалось: Гриша был совсем юным, вечно улыбался, приносил всем печенье из буфета и говорил, что театр — это его дом.

— Он не должен был здесь быть, — тихо прошептала она.

Олег Дмитриевич достал рацию, коротко и сухо проговорил нужные слова, потом присел рядом, осматривая место.

— Маска... это не случайность. Это послание. Кто-то хотел, чтобы мы поняли: это не просто убийство. Это часть спектакля. Только зрители тут не нужны.

Тихон сел рядом с маской, посмотрел на неё, потом на Елену Михайловну и тихо, почти беззвучно мяукнул — будто просил: «Не дай, чтобы это было зря».

В этот момент из темноты коридора донёсся торопливый цокот каблучков, и в свете фонаря мелькнуло знакомое лицо. Регина Львовна влетела в подвал, будто её принесло порывом сквозняка, и замерла, увидев Гришу.

— Нет, — выдохнула она, и голос её дрогнул, как у актрисы, забывшей текст в самой важной сцене. — Только не он. Он же просто хотел помогать... он ничего не знал!

Елена Михайловна поднялась и шагнула к ней, стараясь говорить спокойно, чтобы не дать горю превратиться в панику:

— Регина Львовна, постарайтесь вспомнить: кто-то мог видеть, как он сюда спускался? Кто-то спрашивал про подвал?

Регина Львовна покачала головой, прижав пальцы к вискам:

— Никто... то есть... вчера он ко мне заходил. Говорил, что видел кого-то у старых декораций. Сказал: «Там кто-то ходит, будто ищет что-то». Я отмахнулась... сказала: «Это крысы». А он улыбнулся и сказал: «Крысы не носят куртки».

Елена Михайловна переглянулась с Олегом Дмитриевичем. «Куртка». Опять куртка. Опять тот человек, который всё знал про театр.

— Он никому не сказал больше? — тихо спросила Елена

Михайловна.

— Не знаю... Я думала, это его фантазии. Он любил тайны. Хотел быть детективом...

Тихон подошёл к Регине Львовне, мягко боднул её в ладонь, будто хотел сказать: «Он был хорошим. И он не зря это заметил».

Регина Львовна опустила взгляд, увидела маску, потом кулон — и вдруг резко выпрямилась, будто на сцене ей дали новую роль, и теперь она должна быть сильной:

— Значит, он увидел того, кого не должен был видеть. И его убрали. Чтобы он не рассказал.

Олег Дмитриевич кивнул:

— Похоже на то. И теперь у нас не просто кража. У нас убийство.

Елена Михайловна посмотрела на Тихона. Кот сидел, глядя на кулон, и уши его были напряжены, как у охотника, который слышит самый тихий шаг.

— Гриша нашёл что-то. Или увидел что-то, — тихо сказала она. — И этот кулон рядом с ним — не улика. Это предупреждение. Для нас. Или для кого-то ещё.

Тут Тихон вдруг поднял голову, прислушался к чему-то, чего люди не слышали, и тихо, но настойчиво мяукнул. Потом подошёл к старой решётке вентиляции, поскрёб её лапой и снова посмотрел на Елену Михайловну.

— Думаешь, там что-то есть? — прошептала она.

Тихон мяукнул ещё раз — уверенно, без сомнений.

Олег Дмитриевич подошёл, посветил фонариком в щель. В глубине шахты, почти незаметный, лежал сложенный листок. Он был прижат камнем, будто кто-то очень хотел, чтобы его нашли — но не сразу.

Осторожно, в перчатках, Олег Дмитриевич достал его, развернул. На бумаге неровным, торопливым почерком было написано: «Они знают, что я видел. Если найдут это — значит, я не успел...»

И внизу — подпись: «Гриша».

Елена Михайловна закрыла глаза на секунду, собираясь с мыслями. Теперь это была не просто загадка с пропавшими драгоценностями. Теперь это была охота. И они уже потеряли одного, кто пытался её остановить.

Тихон подошёл, сел у её ноги и положил голову ей на ботинок — не для ласки, а как будто говорил: «Мы должны найти. Ради него».

В фойе театра стоял такой гул, будто все актёры разом заговорили шёпотом — а шёпот в театре звучит громче крика. Кто-то плакал в углу, кто-то нервно перебирал программки, будто в них была инструкция «Как пережить убийство в родном театре». Регина Львовна стояла у афишной тумбы, прямая, как гвоздь, и повторяла одними губами: «Спокойно. Спокойно», но в глазах у неё дрожало всё, что она старалась не выпустить наружу.

Елена Михайловна вошла, и шум чуть стих, будто сам воздух прислушался. Тихон шёл рядом, не прыгал, не тянулся к

декорациям — он будто понимал: сейчас не время для шалостей.

Первой к ней метнулась Инга — в чёрном платье, с распущенными волосами, она выглядела как героиня трагедии, которая уже знает финал.

— Это подстава! — выпалила Инга, хватая Елену Михайловну за рукав. — Вы слышите? Подстава! Кому-то нужно развалить театр! Может, город хочет забрать здание, может, конкуренты... да кто угодно! Но не мы! Мы не могли!

Елена Михайловна мягко, но твёрдо высвободила рукав:

— Инга, я не ищу виноватых среди вас. Я ищу того, кто это сделал. И мне нужна правда, а не версии.

— Правда?! — Инга всплеснула руками, и этот жест был таким театральным, что даже в этой жуткой ситуации кто-то в толпе невольно отметил: «Вот это подача!» — А правда в том, что Гриша был самым безобидным! Он даже муху не мог прихлопнуть! Он говорил: «Театр — это храм!» И вот теперь он... в подвале...

Из-за её спины выглянул Марк. Он стоял, закинув руку на плечо соседу, и изо всех сил изображал, что ему всё нипочём. На лице — лёгкая усмешка, в глазах — слишком много напряжения.

— Ну, мы же артисты, — громко сказал он, будто обращался не к Елене Михайловне, а к невидимой публике. — Мы привыкли к драмам. Только обычно они заканчиваются аплодисментами, а не милицией.

Олег Дмитриевич, вошедший следом, посмотрел на него спокойно, без осуждения:

— Марк, сейчас не спектакль. Здесь не нужно держать лицо.

Марк на секунду замер, улыбка сползла, как плохо закреплённый грим, и он тихо пробормотал:

— Просто если я сейчас перестану улыбаться, я заплачу. А я не хочу плакать на глазах у всех.

Инга резко повернулась к нему:

— Вот! Вот! А ты ещё говоришь «привыкли к драмам»! Да мы не привыкли! Мы просто умеем делать вид!

Тихон подошёл к Марку, боднул его в колено и сел рядом, глядя снизу вверх так, будто говорил: «Можно не притворяться. Я всё пойму».

Марк медленно опустился на корточки, обнял кота, уткнулся лбом в его шерсть и выдохнул:

— Прости, Тихон. Я просто... испугался.

В фойе стало тише. Даже шёпоты как будто отступили на шаг.

Елена Михайловна оглядела труппу:

— Я знаю, что вы все потрясены. И я не буду требовать от вас спокойствия. Но мне нужно, чтобы вы вспомнили. Всё, что кажется мелочью. Кто-то нервничал последние дни? Кто-то спрашивал про подвал? Кто-то интересовался, где хранятся старые декорации?

Тут из толпы выступила Зинаида Павловна, держа в руках

стопку вешалок, как щит:

— Вчера Гриша забежал в костюмерную. Такой... взбудораженный. Сказал: «Зинаида Павловна, вы не видели, кто был у старых ящиков? Там что-то шуршало». Я подумала, опять он свои тайны выдумывает... а он серьёзно смотрел. Очень серьёзно.

Елена Михайловна кивнула:

— Спасибо, Зинаида Павловна. Это важно.

Регина Львовна наконец заговорила — голос её звучал твёрже, чем минуту назад:

— Если кто-то хотел навредить театру, он добился только одного: он заставил нас бояться. А мы не должны бояться. Мы должны помнить Гришу и найти того, кто это сделал.

Инга вдруг опустила плечи, будто с них свалился тяжёлый плащ:

— Простите... я просто... мне казалось, что если я буду кричать «подстава», то это неправда. Что если я буду громко отрицать, то он... снова будет здесь.

Елена Михайловна подошла к ней, положила руку ей на плечо:

— Я понимаю. Но сейчас нам нужны не отрицания. Нам нужны детали. Даже самые маленькие.

Тихон, решив, что момент подходящий, прошёлся по фойе, внимательно нюхая воздух, потом остановился у вешалки с пальто и тихо мяукнул.

— Что там, Тихон? — тихо спросила Елена Михайловна.

Кот поскрёб лапой край пальто — обычного, тёмно-серого, из тех, что висят тут десятками. Но на плече была маленькая дырочка, а из неё торчала золотистая нитка. Точно такая же, как та, что они нашли на рукаве Марка. Только теперь Елена Михайловна знала: это не улика против Марка. Это след того, кто был в театре.

Она осторожно коснулась нитки, потом подняла глаза на Олега Дмитриевича. Он едва заметно кивнул: «Запомним».

— Кто это пальто носит? — тихо спросила Елена Михайловна, стараясь не поднимать новой волны паники.

Зинаида Павловна нахмурилась, посмотрела на вешалку: — Да вроде... никто. Оно тут давно висит. Ещё с прошлого сезона. Кто-то из гостей оставил, а потом не забрали. Или... не знаю.

— Надо проверить, — спокойно сказал Олег Дмитриевич. — И все забытые вещи — тоже.

Тут Марк, уже без улыбки, подошёл ближе: — Если я могу чем-то помочь... ну, не как подозреваемый, а как тот, кто знает тут каждый угол... я готов.

Елена Михайловна посмотрела на него: — Спасибо. Сейчас любая помощь важна. Даже просто быть рядом и не дать людям совсем потерять голову.

Марк чуть расправил плечи: — Тогда я пойду с Ингой. Она сейчас одна не должна быть.

Инга хотела что-то резко ответить, но вместо этого просто

кивнула и взяла его за руку.

Тихон ещё раз обошёл фойе, потом вернулся к Елене Михайловне и сел у её ноги, всем видом показывая: «Теперь мы знаем, что искать. И мы не одни».

Кабинет Бориса Петровича будто съёжился под тяжестью происходящего: даже связки ключей на стене теперь выглядели не как символ порядка, а как улики, каждая из которых могла что-то рассказать. Олег Дмитриевич сидел напротив завхоза, спокойный, но такой внимательный, что Борис Петрович невольно выпрямлялся всякий раз, когда отводил взгляд. Елена Михайловна стояла у окна — не мешала, но была рядом, чтобы Борис Петрович чувствовал: его не собираются давить, ему просто очень нужно вспомнить. Тихон устроился на краю стола, будто в роли строгого присяжного, и смотрел на завхоза так, будто знал: сейчас прозвучит что-то важное.

Борис Петрович теребил пуговицу на халате, потом вздохнул, будто сбрасывая с плеч тяжёлый мешок, и глухо сказал: — Я не хотел говорить. Думал, вдруг показалось. Или я сам себе надумал. А теперь... после Гриши... нельзя молчать.

Олег Дмитриевич чуть наклонил голову:

— Расскажите всё, как было. Даже если кажется мелочью.

Борис Петрович сглотнул:

— Это было... в тот вечер. Я задержался. Надо было ящики пересчитать — директор велел. Я сидел тут, считал, а по-

том решил в подвал спуститься, проверить, не оставили ли там реквизит после репетиции. И вот... когда я к лестнице подошёл, из подвала как раз кто-то выходил.

Елена Михайловна чуть подалась вперёд, но не перебила.

— Человек в тёмной куртке, — продолжал Борис Петрович, глядя куда-то мимо них, будто снова видел ту сцену. — Капюшон надвинут, лица не разобрать. Но я его по походке чуть не узнал... а потом подумал: нет, не может быть. И он шёл быстро, но не бегом — будто старался не привлекать внимания. А в руке у него была сумка. Театральная, большая. Такие для костюмов берут.

Тихон тихо мякнул, будто подтвердил: «Та самая, что на фото у Эдуарда».

— Сумка была тяжёлая, — добавил Борис Петрович. — Он её чуть приподнимал, будто неудобно было нести. И ещё... он остановился у поворота, будто прислушивался. Потом быстро пошёл дальше, к служебному выходу.

Олег Дмитриевич спокойно уточнил:

— Вы не заметили, во сколько это было?

— Часов в семь, может, чуть позже. Я тогда ещё на часы посмотрел: думал, успею до закрытия всё проверить.

Елена Михайловна тихо произнесла:

— А Гриша... он мог быть в подвале в это время?

Борис Петрович кивнул, и голос его дрогнул:

— Мог. Он мне сам говорил: «Борис Петрович, я в подвал, хочу старые афиши посмотреть — для реферата». Я ещё

ворчал: «Нечего по тёмным углам шастать». А он смеялся: «Я не шастаю, я исследую!»

Тихон подошёл, боднул его руку лапой — не сильно, но настойчиво, будто говорил: «Ты не виноват. Ты не мог знать».

Борис Петрович на секунду прикрыл глаза, потом снова посмотрел на Олега Дмитриевича:

— Я тогда не придавал значения. Подумал: ну, кто-то из своих сумку несёт. Мало ли что. А теперь понимаю: он что-то вынес. И Гриша... наверное, увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.